Виктория Жалуманова
г. Кемерово

Парадокса быть не может

Несмотря на солидность майорских погон, завхоз был человеком больше служащим, чем служивым. В обязанности его входили стандартные задачи обеспечения управы всякими нужностями и полезностями, но рвения хватало и на дела высокие. Он знал всё на свете: и как шов варить, и куда какой кабель присобачить. Не знал он, пожалуй, только как слово «ходатайствую» пишется, оттого и плясали две коварные гласные, кочуя из одного слога в другой. Но это, право, для завхоза было не принципиально. До того ли шефу? С самого утра по узким казённым коридорам эхом разносились раскаты его негодования – сердцем болел за дело. Ещё бы! То чек в кармане потеряется, то кофе закончится, то секретарша куда-то пропадёт, так и не удосужившись про то «ходатайствую» напомнить… А ведь ещё сканворд не гадан!

Надо отдать должное: завхоз знал главный секрет отличной службы и быстрого карьерного роста. Утром он пару-тройку раз пробегал мимо открытого кабинета начальника с кипой бумаг в руках и истошным «почему кроме меня никто ничего не может решить?!» Затем понимающе кивал на планёрке, окидывая осуждающим взглядом в очередной раз попавшего под раздачу пищевика. После долгих 10–15 минут ставил подписи туда, куда тыкала пальцем секретарша, и уже к обеду был «на выезде» со всеми причитающимися привилегиями.

Нет, завхоз не был плохим человеком, как вы могли подумать, как не был и хорошим. Он был на приличном счету у руководства, хотя никогда не пользовался авторитетом. С ним охотно пили сослуживцы и подчинённые, хотя и не доверяли своих тайн. Он никогда нарочно не обижал людей, но никогда и не извинялся. И дни его на службе мелькали, как и у остальных, от понедельника до пятницы, в томном ожидании зарплат, премий и званий.

Нарочно или нет, но первые две выдавались в управе исключительно по пятницам. Видно, кто-то прозорливый сверху прочуял, что проще русскому прапорщику пережить наличие денег в кармане накануне выходных, дабы успеть в полной мере испытать радость их обладания и прийти в себя от последствий этой радости.

В эту пятницу радость уже была выдана, и пóпы штабных нетерпеливо ёрзали в ожидании 18:00. В 17:15 завхоз пугающе тихо отворил дверь в кабинет, скорбным шагом измерил его и пристроился на край стула возле единственного на весь отдел компьютера. Здесь нужно сказать, что никогда, НИКОГДА он не сидел за этим с трудом выбитым девайсом с ТАКИМ лицом. Он даже падал как-то из-за него, психанув на быстро пробежавших кур, с улыбкой и весёлым матом (если такой бывает). Замерло всё. Куры на мониторе убежали вправо, обе секретарши сняли очки, и только заместитель Виталича Валера на секунду нарушил тишину, выехав на стуле поближе к шефу.

– Итак, – завхоз презрительно оглядел свою вотчину. – Кто спёр ножницы?

Публика ошеломленно вытаращила глаза. В отделе и раньше случались пропажи всякой канцелярщины, но чтобы у завхоза от этого руки тряслись… Вот так как-то раз даже 14 кг водоэмульсионки ушло, и ничего, списали же. Бумагу на то и катают, чтобы писать на ней, а стены-то ковырять никто не будет, на сколько раз они там покрашены. А мало ли обоев понаклеили? Даже собачий питомник в евроремонте, не говоря уже о писсуарах заморских. А тут ножницы! Мож, памятные какие? Поди пойми его душу.

– Кто последним был в подвале? – нагнетал Виталич.

– Я не был, – выдохнул зам, – у меня и ключей-то нету, – и победно заехал на стуле обратно на своё место.

– Ну я была. И начсклад. И вы, – отчеканила одна из секретарш. – Кого там только не было.

– Парадокса быть не может! – взревел завхоз. – Кто-то из нас спёр ножницы! На той неделе они там были, а теперь их там нету!

– Какие ножницы? – почти безучастно пробормотал зам.

– По металлу ножницы, мать вашу! Электроножницы!!!

– Иди ты… – вытаращила глаза вторая секретарша. – Такие бывают?

– Не надо мне тут того! – ревел Виталич. – Все их видели, они там лежали! Они там два года лежали, а теперь не лежат!

Зам вынул ручку изо рта, сунул за ухо и почесал освободившейся рукой затылок.

– А чего они два года никому не надо лежали, а теперь нужны?

– Валера, мать твою! – завхоз раскраснелся ещё больше. – Какая туда-то разница зачем! Тут сам факт важен – спёрли! Спёрли ножницы!!! Как теперь вам верить???

Первая секретарша дрожащим голосом попыталась было возразить, мол, кому да зачем бы они, но Виталич уже понёс беду в массы. Первым делом он выскочил в коридор и объявил о случившемся очереди у кассы. Потом походя выкрикнул в приоткрытую дверь бухгалтерии всё, что думает о своих подчинённых, и скрылся у главбуха. Само собой, в кабинет завхоза валом повалили любопытствующие и сочувствующие. Секретарша (та, что постарше) курила в форточку, её молоденькая коллега плакала, вытирая красные больше от возмущения, чем от слёз, глаза грязно-серым кашне зама, а тот в свою очередь догрызал колпачок ручки.

– Чё за паника, бабоньки? – присел на край стола связист.

– Чё-чё, – оторвался от ручки зам, – опять Сальцев штуку в штанах потерял. А мы крайние. Ищи теперь его ножницы.

– Чё за ножницы? – высморкалась в кашне молоденькая. – Сдались бы они нам? Поди дал кому, а сам не помнит. Верить, говорит, нельзя никому – предатели в моём окопе.

– Да дебил, – неспешно переобуваясь, констатировала старшая. – Ты ему, Серёг, предложи камеры пересмотреть. Глядишь, сразу вспомнит, куда-чего подевалось.

Три часа спустя вся служба завхоза и две смены связистов и комендачей напряжённо всматривались в нечёткие записи камер наружного и внутреннего наблюдения.

– Хорошая шутка, – толкнул в бок старшую зам, – сидели бы сейчас как придурки дома, а тут вон – романтика! Когда ещё так сплочённо посидим, как не в пятницу после получки?

Для Валеры, нужно сказать, день зарплаты был не просто праздником, а Новым годом, Рождеством и днём рождения вместе взятыми! Как никто он знал толк в обмывах, как никто из закуски обходился только «Тархуном», и лишь ему прощался ежемесячный послезарплатный загул до четверга. Так, бывало, приходил он в злополучный понедельник, устраивался за своим столом и начинал самопроизвольно дребезжать по столешнице: коленями снизу, локтями сверху. Тряслось в таком состоянии у Валеры всё, от рук до подбородка, и цвет лица переходил от синего в чёрно-жёлтый и обратно. Через полтора часа мучений он вставал и молча удалялся до дому, где поправлял пошатнувшееся здоровье, постепенно уменьшая объёмы принимаемого «лекарства», пока к исходу недели не становился более-менее приличным человеком. Поначалу Валеру искали, грозили выговорами и даже увольнением, но со временем решили, что рвение его и работоспособность на топливе из чувства вины и собственной ничтожности куда как превосходит какие-то три ежемесячно выпадающие из трудовой биографии дня. Да, зам пил. Пил, что называется, по-чёрному. Но свой косяк отрабатывал с лихвой! Не каждый лейтенант в начале службы пахал так, как зам после запоя. За то и прощалось ему многое то, что прочим грозило как минимум судом офицерской чести.

Так вот, в «мирное» время Валера уже валялся бы в своей двухе, полный огненной воды и пьяного блаженства, а сегодня сидел

и занимался, откровенно говоря, бесполезнейшим делом. Камеры в управе висели, как и во всех подобных учреждениях, больше для виду, чем для проку. И единственное, что можно было на них разглядеть, это то, как два раза в день десять неопознаваемых фигур в пёстром камуфляже выстраиваются в неровную и суетную шеренгу для развода и разноса.

– Виталич, – взмолился связист, – давай до понедельника, а? Ну чего ты мутишь, куда бы твои ножницы делись?

– Се-рё-жа, – выдавил завхоз, – тут не за ножницы обидно. Предательство, вот что ранит…

Он тихо встал, потёр что-то под очками и, ни слова не говоря, вышел из здания по направлению к своему минивэну.

***

На следующей неделе тяжёлым был не только понедельник. До самого четверга в кабинете завхоза стояла нерабочая тишина, хотя сам он появлялся здесь крайне редко. Часами Сальцев просиживал в комнате охраны, обречённо уставившись в серый монитор, изредка вздыхал, ещё реже выходил курить на крыльцо, где подолгу всматривался в унылую даль за пределами управских ворот. Он осунулся и даже немного схуднул. Конфетка в столе Виталича, коей он обыкновенно занюхивал стопочку послеобеденного допинга, лежала забытая и заветренная, а сам допинг стоял нетронут. Что до ножниц… они, увы, не нашлись. Как не нашёлся, несмотря на тщательно проведённое завхозом расследование, и злодей, унёсший казённое добро.

Между тем управа жила своей жизнью, что ей до разочарований своих подопечных – майор горюет, служба идёт. Постепенно все так или иначе причастные к этой истории забылись каждодневной рутиной, и самому завхозу ничего не оставалось, как вернуться за стопку сканвордов на своём столе и рекордным показателям стрельбы по курам.

А с первыми дождями потекла три раза перекрытая за лето крыша уличного склада. С интересом всей службой облюбовали чудо-инструмент ножницы по металлу, кои Сальцеву пришлось извлечь из личных запасов. Ну пусть не электро, зато восполнили недостачу и успокоили инвентаризационную комиссию. И не то чтобы незамеченным, скорее просто «без комментариев» осталось Валерино «ничего удивительного – ну у кого в гараже не валяется старых ножниц по металлу?»

Конечно, расконвойники, ремонтировавшие кровлю, по старой русской традиции постарались поскорее привести их в негодность, ибо когда нечем работать, так и незачем. (На удивление, Виталича это совсем не тронуло – чего уж жалеть добро, когда простился с ним по своей воле.) Но завхозовские ножницы были старой закалки – их хватило на всю крышу. И даже на заплатку для питомника. А оставшиеся листы завхоз отвёз в свой гараж. От греха подальше… Чтоб и их не спёрли… И даже выделил им особое, почётное место – аккурат рядом с крышкой погреба, под ровненькой полкой, на которой уже второй месяц красовались новенькие электроножницы по металлу с красивым инвентарным номером 54494.

Знаменитые вымышленные сыщики

Огюст Дюпен

Создатель: Эдгар Алан По

Огюст Дюпен обладает потрясающими умственными способностями, позволяющими ему раскрыть преступление, не выходя из дома, или угадать, о чём именно думает в этот момент собеседник. Герой всего лишь трёх рассказов Эдгара Алана По – «Убийство на улице Морг», «Тайна Мари Роже» и «Похищенное письмо» – известен тем, что по сути является первым вымышленным литературным персонажем-детективом. Именно рассказы Эдгара По стали первыми образцами классического герметичного детектива, а образ Дюпена стал «базой» для развития последующего образа частного сыщика.

Следующий персонаж на с. 42